

Douglas Rogers

The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism

Ithaca (NY): Cornell University Press, 2015

По имеющимся оценкам, из нефти производится более 6000 видов продукции. Сюда входят не только такие очевидные вещи, как топливо, но и товары повседневного спроса, например одежда, чистящие и моющие средства, инструменты, медикаменты, электроника, пластиковые изделия и еще длинный список неотъемлемых атрибутов современного общества. Нефть — это жизнь не только для так называемых нефтегосударств, для которых нефтяные доходы — источник обогащения для власть имущих и гарантия верноподданнических настроений слабой части общества. Нефть — это сама современность, и хотя для большинства людей она воплощается в совершенно конкретных формах, она также оказывает вполне реальное воздействие и на внутреннюю и внешнюю политику, и на экономику, экологию и культуру, и даже на вопросы, связанные с национальной идентичностью. Не принимать в расчет господство нефти, то есть ее абсолютное проникновение в повседневную жизнь, значит способствовать продвижению теории товарного фетишизма.

В своих размышлениях о товарном фетишизме Маркс определяет товар как “вещь, полную причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений”¹. Но раз товар понимается как нечто овеществленное, получившее материальный облик, его стоимость превращает его в “общественный иероглиф”². Если последовательно рассматривать слой за слоем все составляющие этого иероглифа: производство товара, его распространение, использование и обмен — раскрывается обширная сеть отношений между людьми.

В какой-то мере книга Дагласа Роджерса “Глубины России. Нефть, власть и культура после социализма” совершает нечто подобное. Автор тщательно “деконструирует” нефть, но не для того, чтобы проанализировать цепочки связанных с нефтью производственных отношений. Роджерс рассматривает нефть как ценность, которая разнообразными путями участвует в развитии Пермского региона в постсоветский период. Корпорация, государ-

1 Маркс К. *Капитал*. Т. 1. Гл. 1. 4. URL: http://libelli.ru/works/kapital/1_1_4.htm (доступ 08.06.2017).

2 Там же.

ство, культура — все это проявления материального характера нефти, стоимость которой создается и пересоздается в длинной социальной цепочке. Тщательный анализ различных процессов овеществления нефти позволяет лучше разглядеть регион в целом.

Однако ценность работы Роджерса лежит гораздо глубже. Пытаясь обнаружить истинную сущность нефти, мы тем самым получаем возможность заново проанализировать, каким образом соединяются нефть, корпорация и государство, образуя одну из форм неолиберального правления. Роджерс как будто двигается в этом направлении, но останавливается. Как он разумно замечает, “мы можем таким образом разобраться в сути тех или иных процессов, но, на мой взгляд, рискуем утратить четкость, если будем пытаться свести все воедино под знаком теории неолиберализма” (С. 15). Тем не менее по этому пути все-таки стоит продвигаться.

“Черное золото” и сейчас служит в России источником жизни. В настоящее время Россия занимает третье место в мире среди крупнейших производителей нефти, после Соединенных Штатов и Саудовской Аравии. Любое соглашение по добыче нефти с одной из этих стран может поколебать цены на нефть на международном рынке. Нефть, равно как и природный газ, неразрывно связана с российской внешней политикой. Сочетая субсидированные цены и контроль над объемом добычи и транзитом нефти, Россия может навязывать свою волю соседям, хотя, как показали последние годы, политическая выгода от таких мер весьма ограничена.

Более того, нефть стала ключом к успеху путинской модели. Федеральный бюджет России неразрывно связан с ценой на нефть; так, в 2016 году доходы от нефти и газа составили около 36% всех бюджетных доходов³. Рост цен на нефть в начале 2000-х послужил опорой для путинской России, обеспечив наиболее влиятельным лицам высокую ренту, региональным властям — неофициальные доходы, а населению в целом — щедрый бюджет.

3 GALOUCHKO K. *OPEC Be Warned: Russia Prepares for Oil at \$40* // Bloomberg. 2017. March 24th. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-03-24/opec-be-warned-russia-battens-down-the-hatches-for-oil-at-40> (доступ 08.06.2017).

Но, как и в случае с любым наркотиком, зависимость имеет свои границы, и сегодняшняя вялая российская экономика в сочетании с западными санкциями служит тому доказательством. Справедливости ради стоит отметить, что путинское правительство постепенно осознало зависимость от “черного золота”, но в эпоху глобализации диверсификация экономики — дело нелегкое. Помимо сырья, Россия производит очень мало из того, что нужно миру.

Казалось бы, Россия как авторитарная страна, настроенная на бизнес, может претендовать на звание перспективного капиталистического государства XXI века. Нечеткое трудовое законодательство, ограниченные возможности для профсоюзной деятельности и в целом для сопротивления наемных рабочих, нестрогие правовые нормы по охране окружающей среды, а также благоприятный режим корпоративного налогообложения открывают соблазнительные возможности для транснациональных корпораций. Однако вместе с тем проблемы России оказываются более весомыми, чем ее привлекательные качества. Российская промышленная инфраструктура устарела, в стране избыток квалифицированной и образованной рабочей силы и слишком много коррупции. Кроме того, на международной арене другие державы смотрят на Россию чуть ли не как на изгоя. Она отличается и от Китая, и от более сговорчивых небольших государств в “подбрюшье” Азии, которые уже готовы к “налету” международного капитала.

И все же, несмотря на пристальное внимание к сегодняшней России, историю нефти еще только предстоит написать, а ее место в российской и советской империи и вовсе почти не изучено. Хотя за последнее время появились важные исторические исследования, посвященные тому, как нефть связывала периферию российской, а потом советской империи с метрополией, вопрос о нефти в постсоветской России и в других постсоветских государствах и в политологических работах, и в журналистских публикациях рассматривается по большей части с презентистских позиций. Таким образом, научному осмыслению нефти еще только предстоит добраться до са-

мых глубинных процессов ее овеществления. Взгляд на нефть как на фетишизированный товар пока слабо разработан.

По этой причине резкие колебания ситуации с нефтью — от нефтяного бума до полного упадка — чаще всего рассматриваются в научной литературе как метафора политической власти в России. Вот лишь некоторые из уважаемых англоязычных трудов, названия которых о многом говорят: Маршалл Голдман “*Нефтегосударство. Путин, власть и новая Россия*”, Мартин Сиксмит “*Нефть Путина. Дело “ЮКОСа” и борьба за Россию*”, Тейн Густафсон “*Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России*”. В центре внимания исследователей находятся Путин, битва, борьба и власть (у Роджерса в названии книги тоже фигурирует слово “власть”, но с маленькой буквы — скорее “власть” в фуколдианском смысле, чем награда победителю в дворцовых интригах). Власть Путина изначально была основана на нефти и, вероятно, из-за нефти же она и рухнет. Таким образом, утверждения или предположения относительно того, когда же путинская система окончательно падет жертвой “голландской болезни”, составляют основу дискурса. Это дополняется драмами захвата власти той или иной частью элиты и политическими сражениями, низверженными героями, появлением новых злодеев, переломными моментами, поражениями, рухнувшими надеждами и упущенными возможностями в период перехода России к капитализму. Россия и нефть движутся по одной и той же драматической траектории развития, в то время как мы, зрители, терпеливо ждем, когда же появится *deus ex machina* и постыдная связь будет разорвана. К этому ожиданию примешивается вера в то, что когда Россия избавится от нефтяной зависимости, она также утратит свои авторитарные стремления и пойдет по пути светлого либерального капиталистического будущего.

Роджерс делится с читателями неожиданным наблюдением: сегодняшняя значимость нефти — это относительно новое явление. Советский нефтяной комплекс, его комиссары и рядовые труженики играли лишь второстепенную роль в советской экономике. Нефтедобыче в Советском Союзе не удава-

лось достичь уровня противника СССР в холодной войне вплоть до 1970-х годов, когда это наконец произошло во многом благодаря постепенному истощению волго-уральских месторождений, войне Судного дня и эмбарго, которое ввела ОПЕК. В результате небольшие сельскохозяйственные поселения Пермской области, такие как Оса (расположенная в 125 км к югу от столицы региона), превратились в процветающие нефтедобывающие города. С распадом Советского Союза именно вокруг нефти стало происходить обращение капитала и захват собственности частными владельцами.

Идея Роджерса о вещественном характере нефти в постсоциалистической Перми приводит к серьезному пересмотру общепринятого нарратива о кардинальном переустройстве советской жизни. Крах советской системы централизованного планирования и распределения разрушил широкую сеть связей в длинной экономической цепочке. Предприятия (и это касается не только Перми) были вынуждены устанавливать новые связи, чтобы управлять движением товаров. Более того, в России переход к рыночной экономике происходил без участия денег как универсального эквивалента. Поначалу нефть в Перми была одним из многих товаров, используемых для бартерного обмена, а в конце 1990-х сырая нефть стала в регионе основной суверенной валютой. По иронии судьбы, нефть в качестве валюты в большей мере способствовала стабильности, нежели неустойчивый, “скачущий” бумажный рубль. Нефть воспринималась как “нечто конкретное, надежное, местное — «свое», осязаемое, а не абстрактное” (С. 99). Таким образом, в бурный период пермского капитализма нефть была основной добавкой экономической алхимии, которая превращала нефть в сахар, яблоки, куртки и “Тойоты”. Нефть как товар стала еще в большей степени фетишем. Евгений Сапиро, основатель Пермской товарной биржи, вспоминая бартерные схемы с участием нефти в Перми 1990-х годов, заметил, что предложенная Марксом “основополагающая формула деньга-товар-деньги выглядит однонаправленной и примитивной. Обычной формулой [Пермской финансово-производственной группы]

было: деньги — сырая нефть — нефтепродукты — круглый лесоматериал — переработанная древесина — упаковочная древесина — яблоки — деньги” (С. 96).

Более того, превращение формулы Маркса “товар — деньги — товар” в длинную цепочку обменов со все возрастающим числом звеньев придавало нефти особый региональный колорит. Каждое видоизменение нефти связывало между собой региональных бизнесменов, их бизнес, а также пермскую региональную администрацию. Доходы от нефти по большей части оставались в Перми и там же циркулировали, а не изымались московскими варягами. Такого рода локализм, как верно отмечает Роджерс, оказал огромное влияние на формирование постсоциалистического государства: нефть была ключевым фактором, который способствовал дистанцированию Перми от федеральной власти и одновременному становлению региональной властной элиты. Надо отметить, что все это происходило до приватизации нефтяного сектора и вертикальной интеграции, которые принято считать характерной особенностью 1990-х и 2000-х годов в России.

Одним из главных элементов усиления автономности Перми от федерального центра стали векселя, которые выступали в качестве временной валюты для выплат по долговым обязательствам или осуществления сделок между компаниями. Интересно, что векселя были выпущены не банками и не региональным правительством, а нефтяными предприятиями. И хотя изначально векселя предназначались для пермской нефтяной промышленности, они быстро включились в региональную систему обмена. Действительно, в одной из местных газет были приведены подсчеты, свидетельствующие о том, что каждый вексель переходил из рук в руки в среднем до сорока раз, и эти перемещения включали в себя нефтяную промышленность, местное правительство, фермеров, школы и различные организации соцзащиты. И несмотря на то что вексель был абстрактным выражением долга, Роджерс утверждает, что он обретал материальный характер по мере того, как перемещался внутри системы взаимоотношения, действовавшей в Перми. “[Век-

селя] придавали долгам, обязательствам и общественным отношениям гораздо более материальный, видимый и конкретный характер, нежели абстрактная денежная валюта” (С. 121–122). За одним исключением: эта валюта (векселя) не связывала потребителя с государством. Все происходившие обмены притягивали держателей векселей к другому гаранту — компании “ЛУКОЙЛ-Пермь”.

Однако социальная роль ЛУКОЙЛа не ограничивалась тем, что компания была одним из важнейших элементов пермской экономической системы и государственного бюджета. Нефтяной гигант занимал также центральное положение в региональном процессе государственного строительства. Как отмечает Роджерс, в период постсоциалистического государственного строительства “ЛУКОЙЛ-Пермь” был напрямую вовлечен в “непосредственное управление общественной и культурной жизнью” (С. 147). Это государственное строительство и по концепции, и по исполнению имело неолиберальный характер. Вместо того чтобы просто выделять государственные финансовые средства соответствующим государственным ведомствам и таким образом управлять социальными и культурными процессами, пермская администрация и компании, такие как ЛУКОЙЛ, пошли по другому пути: они спонсировали конкурсы на получение грантов, с тем чтобы люди и неправительственные организации получили возможность самостоятельно решать социальные проблемы. Отбор региональных проблем, требующих решения, осуществлялся, несомненно, с неолиберальных и биополитических позиций. Соискатели грантов должны были выбрать некую “проблему” местного масштаба и создать “проект”, направленный на ее решение. Под “проблемами” имелись в виду отнюдь не структурные дефекты российской политической экономики. Наоборот, речь шла о конкретных, индивидуализированных “трудностях”, “неудобствах” и о том, “что именно не устраивает человека в его или ее жизни”. Проекты, направленные на решение проблем, должны были иметь соответствующую “команду”, план работы, выполнимые задачи, бюджет, предполагать проведение проверок и составление отчет-

тов. За этими грантами просматриваются элементы неолиберального государства: аутсорсинг государственного управления, упорядочивание бюджета и его эффективность, привлечение заинтересованных сторон и отношение к структурным недостаткам просто как к чему-то, что заставляет людей чувствовать себя некомфортно и препятствует выстраиванию индивидуального образа жизни. “ЛУКОЙЛ-Пермь” и его дочерние компании выступали в качестве основных спонсоров и источников финансирования этих конкурсов на получение грантов.

Практика, когда предприятия предоставляли ресурсы для социальных и культурных институтов, имеет советские корни. В советское время заводы и фабрики выполняли функцию оказания услуг окрестному населению. Такая практика была особенно характерна для моногородов, где промышленные предприятия обеспечивали местных жителей самым необходимым, без чего нельзя обойтись в современной жизни: электричеством, водой и отоплением. Также в рамках так называемого шефства предприятия помогали проводить культурные, общественные и развлекательные мероприятия для местного населения.

Спонсорская деятельность компании “ЛУКОЙЛ-Пермь” напоминает шефство советских времен, но лишь до определенной степени. Сегодня корпоративное социальное и культурное спонсорство является частью “корпоративной социальной ответственности”, когда корпорации стараются смягчить общественную критику, связанную с эксплуатацией труда и уроном, наносимым обществу и окружающей среде, и улучшают свой имидж путем “возврата или компенсации”. Кроме того, в советское время предприятие *само* было частью государства, тогда как теперь частная корпорация *заменяет собой* государство. Критики часто ошибочно принимают сокращение функций социального государства за проявление неолиберализма. Однако проведенный Роджерсом анализ деятельности ЛУКОЙЛа в Перми напоминает нам, что неолиберализм — это в гораздо большей степени передача управленческих функций от государства в частные руки, как правило,

корпорациям. Как и в случае с обеспечением векселей, ЛУКОЙЛ и подобные ему компании становятся гарантами социальной и культурной жизни. И в этой гарантии проявляет себя материальность нефти. Нефть становится жизнью.

“Что хорошо для ЛУКОЙЛа, хорошо для региона”, — заявил Евгений Сапиро в 1996 году, будучи тогда председателем Законодательного собрания Пермской области. Сомневаюсь, что Сапиро осознавал, насколько пророческими были его слова, повторявшие известный лозунг президента General Motors. Однако ЛУКОЙЛ — это “хорошо” для Перми не только потому, что он предоставляет рабочие места и обеспечивает налоговые поступления в бюджет; кроме этого, ЛУКОЙЛ настолько преуспел в превращении нефти в “вещь, полную причуд”, по Марксу, что призрак нефти незримо присутствует даже в отдаленных уголках социальной и культурной жизни Перми, где о ней, казалось бы, никто не думает. Материальный характер нефти так и не будет раскрыт, если анализ ее роли будет ограничиваться уровнем верховной власти. К счастью, Даглас Роджерс дал нам возможность получить хотя бы некоторое представление о том, в какие глубины России на самом деле проникает нефть.

Шон Гиллори